

Соболев В.Ю. Привески с христианской символикой в погребальных памятниках Северо-Запада Новгородской земли // Церковная Археология. Материалы I Всероссийской конференции. СПб.; Псков, Ч. 2. 1995. С. 74–76.

Соколов М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. СПб., 1889. № 6. С. 339–368.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка, X–XIV вв. СПб., 1882.

Формозов А.А. О наскальном рельефе близ с. Буша в Поднестровье // СА. 1968. № 2. С. 103–110.

Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Дохристианское святилище Чернигова // Европа-Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 241–260.

Щепкина М.В. Болгарская миниатюра XIV века. М., 1963.

Щепкина М.В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 74–80.

Щепкина М. Миниатюры Хлудовской псалтыри. М., 1977.

Spier J. Medieval Byzantine magical amulets and their tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. Vol. LVI. P. 27–48.

Wagilewicz I. Berda w Uryczu. Lwow, 1843. No VI.

Змеевик из Окни (фотография находки): <http://nkslovar.narod.ru/raznoe/zmeevik.htm>.

А. Шоинбеков

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ШУГНАНЦЕВ: ОБРЯД РАЗБИВАНИЯ ЧАШИ НА МОГИЛЕ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Цикл погребальных церемоний у шугнанцев завершается обрядом, называемым «разбивание чашки на могиле». Этот традиционный обряд впервые зафиксирован И.И. Зарубином и кратко описан в этнографической литературе [Юсуфбекова год: 137; Шохуморов 2003: 158–159]. Обрядовое действие заключается в следующем. Перед тем как закончить омовение покойного, из оставшейся для обмывания воды набирают чашу и вместе с телом несут ее на кладбище. После погребения на середине могильной насыпи устанавливают небольшой круглый камень, вокруг которого и выливают воду (в кишлаке Патхур, долина Гунт, и кишлаке Тусиён долина Шахдаре), либо воду льют прямо по линии могильного холма (селение Богеф-Сучан и к. Возм-Поршенев), либо, как в селении Шитам-Гунт и Хоса-Поршенев, ее разливают на могиле по кругу. Вылив воду, чашу в опрокинутом виде устанавливают на небольшой круглый камень и разбивают ее, оставляя куски на могиле.

При совершении данного обряда особая роль отводится двум предметам — надмогильному камню и чашей с водой. Култ камня широко известен в различных обрядах таджиков. В погребальном обряде в большинстве случаев камень выступает как «заменитель умершего» [Бабаева год: 51–52] либо выражает древние представления о «жертвенном столпе» (мировом дереве) [Литвинский 1972: 111]. Как отмечают А.А. Хисматуллин и Ю.В. Крюкова, «обычай как-то выделять могилу не был распространен в первые века существования ислама. С течением времени, впитывая в себя доисламские верования, ислам фактически принял обычай выделять могилы умерших чем-то над поверхностью земли. Сверху на холмик могилы кладут метку, чтобы потом не было ошибки». Для этого почти повсеместно в ход шел камень [Хисматуллин, Крюкова ГОД: 93–94].

В данном случае представляется существенным то обстоятельство, что камень здесь выступает в роли отметки или маркера пола погребенного. Например, в Рушане и Барганге на могильной насыпи покойного оставляют один камень вертикально (*чинул*) (он символизирует мужчину), а у покойницы — три камня уложенных горизонтально в П-образной форме, напоминающей форму очага *ардонак*, символизирующего женщину как хранительницу очага. В Вахане на средину могильной насыпи ставят белый круглый камень или кремь (*цахмокжир*) на уровне живота погребенного, который, по местным представлениям, разделяет тело покойного на макрокосмос (*афак*) и микрокосмос (*анфус*).

Теория о микрокосме и макрокосме, т.е. о соотношении между различными частями человеческого тела и частями космоса, была распространена Ближнем Востоке и в Индии, схожие представления существовали на Дальнем Востоке и в Европе. В древнеиранской традиции представления о изоморфности человека и вселенной, находившиеся в тесной связи с традиционными знаниями той эпохи, астрологией и медициной, достаточно детально разработаны в религиозных системах Сасанидского периода, прежде всего в манихействе и маздаизме. Можно выделить две группы соответствий, лежащих в основе теории макрокосма и микрокосма: во-первых, уподобление различных частей материального мира и частей человеческого тела, причем часто число соответствий равнялось семи, что, надо полагать, связано с астрологическими семью планетами; во-вторых, соответствие четырех элементов (вода, огонь, воздух, земля) с кровью, флегмой, красной желчью и черной желчью человеческого тела, в каждой из этих групп элементы также противопоставляются в соответствии с влажностью, сухостью, теплотой и холодом. Достаточно подробное описание теории макро- и микрокосма приводится в манихейском трактате на китайском языке [Gignoux 1994: 29–30].

В исламе, впитавшем в себя многие черты и идеи, восходящие к иным религиозным традициям (зороастрийской, манихейской, греческой и эллинистической), теория макрокосма и микрокосма получила дальнейшее развитие в качестве самостоятельной дисциплины. Как правило, в мусульманских источниках эта «наука» именуется *‘илм афак ва анфус*. Сами термины имеют кораническое происхождение. В суре «Совет» сказано: «Мы покажем им Наши знамения по странам (афак) и в них самих (анфус), пока не станет им ясно, что это — истина» (Коран, 42: 53). Первое слово (ар. мн. *афак* от ед. *уфук*) буквально имеет значение «горизонты», т.е., как пишет А.Е. Бертельс, «различные стороны, направления, секторы неба, где можно наблюдать сочетания планет и звезд» [Бертельс 1970: 15]. *Анфус* является множественным числом от *нафс*, имеющим значение «душа». Постепенно за первым из этих терминов закрепилось значение «мир, вселенная», *нафс* может означать не только «душу», но также и «человека». В результате словосочетание *афак ва анфус* стало истолковываться близко к греческому «макрокосмос и микрокосмос».

Разбивание чаши на могильном холме также имеет символический характер. Чаша символизирует «тело», а вода в ней «душу». Когда переполняется чаша жизни (*паймонаи умри одам ки пур шуд*), тело разбивается, как чаша, а выливающая вода, олицетворяющая дух, покидает его. Поэтому эту чашу называют (*паймона, пиёлаи умр*) — «чаша жизни».

Интересно в этой связи вспомнить переписку двух знаменитых средневековых иранских ученых Насир ад-дина Туси и Афзал ад-дина Кашани.

Пиалу, части которой соединены друг с другом,

Даже пьяница не позволяет себе разбить.

Те изящные руки, ноги и запястья,

Ради чего сотворены и для чего разрушаются?

На этот вопрос Насир ад-дина Туси Кашани ответил следующим *рубай*:

Когда жемчужина души соединяется с раковиной тела,

Посредством живой воды она обретает вид человека.

Душа ж, достигнув совершенства, разбивает раковину,

Ибо не должно повелителю находиться за завесой

Следует вместе с тем отметить, что обычай разбивать чашу не носит на Памире повсеместного характера. В некоторых кишлаках использованную для обмывания посуду разбивают там же, где обмывают покойного, и выбрасывают подальше от дома, опасаясь вредного воздействия нечистоты трупа [Андреев год: 188].

Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют также том, что чаще отводится и другая роль. Например, в некоторых местах Шугнанского и Рошткалинского района чашу не разбирают, а отдают однообщиннику. Аналогичным образом в долине Зерафшан на могильном холмике принято оставлять различную посуду, которую в прошлом клали в могилу вместе с умершим [Архив СПб ФИВ РАН, ф. 121. оп. 1. ед. хр. 227. л. 25]. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с широко распространенным древним обычаем дарения или уничтожения какой-либо принадлежавшей покойному [Поляков, Черемных 1975: 269].

Существуют различные интерпретации обряда разливания воды на могиле или вокруг нее. Согласно одной из версии, вода «утоляет жажду покойного» и рассматривается в качестве его последнего «дорожного провианта», что, вполне возможно, является отголоском древних воззрений, связанных с «кормлением умершего», который «нуждается» в еде, питье, одежде. Довольно широко среди местного населения распространено также представление о том, что воду приносят на кладбище, потому что там должны присутствовать все «четыре первоэлемента» вселенной (огонь, вода, земля, воздух). Вполне вероятно, что с этим отчасти связан обычай зажигания огня на могилах. В некоторых районах (Дарморахт — Шугнан) считают, что разливающаяся на могиле вода «охлаждает» душу покойника по отношению к близким [Юсуфбекова год: 137]. Например, в селении Сежд в конце обмывания покойницы одну чашу холодной воды выливают над ней, говоря «вот и с холодной водой ты ушла» (ба оби сардат тойд йида). В Вахане (селение Намадгути боло) после захоронения над могильным холмом проводят мотыгой и лопатой, которыми обычно начинают рыть могилу, и трижды поливают их сверху водой. Также в Вахане после обряда цировпидид (зажигание светильника) перед порогом дома выливают воду, чтобы «оградить» покойного от живых. Современный таджикский исследователь А. Шохуморов пишет, что воду разливают на могиле по кругу, что, как он полагает, символизирует круглую каменную оградку, характерную для сакских захоронений на Памире. Данный круг является своего рода оградой, отделяющей покойника от живых людей [Шохуморов год: 667].

Очевидно, что обряд разливания воды после ухода или смерти кого-либо имеет магический характер и символизирует «избавление», «ограждение», «охлаждение». Одной из мер борьбы против *чилгаи бемор* («болезнь сорокадневного периода») у хуфцев Западного Памира является трехкратное окунание больного в теплую воду (в которую кладут принесенную с кладбища кость); затем эту воду выливают на могилу, чтобы избавить ребенка от связи с покойным. В селении Джаджиг (верховья Зерафшана) старуха, прежде чем заплести волосы женщины из числа родственников умершего, брызгает ей на голову воду, приговаривая: «Да

охладиться ваше сердце от этого покойника» (*Дилатон аз хамин мурда хунук шавад*).

По материалам Н.С. Бабаевой, выливание воды вслед похоронной процессии означает разрыв отношений навсегда покидающего свой дом человека с родственниками, которые проклинают его со словами: «Дьявол тебе вслед» (бало ба пасут) [Бабаева ГОД: 100]. У жителей селения Мазори Шариф (Пенджент — Таджикистан) распространен обычай, в котором вода также играет аналогичную роль: если мужчина женится второй раз, а со дня смерти его предыдущей жены еще не прошел год, то его сын либо другой близкий родственник выливает воду на могилу покойной, чтобы та «остыла» и оставила своего мужа.

Можно, таким образом, заключить, что сущность обряда разбивания чаши на могиле у шугнанцев заключается в «охлаждении» или «ограждении» покойного от живых, а сам обряд, функционируя в иной религиозной и культурной среде, генетически связан с древним доисламским «культулом умершего».

***

Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып 1.

Бабаева Н.С. Древние верования. МЕСТО, ГОД.

Бертельс А. Е. Пять философских трактатов на тему «афак ва анфус» (о соотношениях между человеком и вселенной). М., 1970.

Литвинский В.А. Древние кочевники Крыша мира. М., 1972.

Поляков С.П. Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Хисматуллин А.А. Крюкова Ю.Л. Смерть и похоронный обряд.

Шохуморов А. Чарограшпанкуни — суннати ориёву исмоилии мардуми Бадахшон // Вопросы Памироведения. Душанбе, 2003. Вып. 5.

Шохуморов А. Священная лампада.

Юсуфбекова З. Семья и семейный быт.

Gignoux Ph. La doctrine du macrocosme-microcosme et ses origines greco-ghostiques // Iranian and Indo-European Studies. Memorial Volume of Otakar Kilma. Praha, 1994.